

Юрий ЦИНГОВАТОВ

ЗАБЫТОЕ ИМЯ АВТОРА «РУССКОГО ЭРОСА»
(ИОСИФ ФЕДОРОВИЧ КАЛЛИНИКОВ)

Орловский литературный небосклон озарен писательскими звездами первой величины: Тургенев, Лесков, Бунин, Леонид Андреев... Сохранить свой свет, остаться заметным на фоне этого сияния дано далеко не всем. Среди забытых имен оказался и Иосиф Федорович Каллиников. Но произошло это не из-за недостатка дарования, а скорее по другим причинам. Разобраться в них и предпринята попытка в этих заметках.

Будущий поэт, писатель, переводчик, собиратель фольклора родился 1[13].01.1890 года в с. Мелеч Трубчевского уезда Орловской губернии (ныне Брянская область). Внук дьякона, сын почтового служащего, он обучался в Орле — в Александровской гимназии и реальном училище. В 1911 – 1916 гг. - на экономическом отделении Петербургского политехнического института. Одновременно был вольнослушателем филологического факультета столичного университета.

Печататься начал в студенческую пору. Публиковал свои стихи, заметки и очерки о фольклоре орловщины в «Журнале для всех», «Живой старине», «Огоньке», «Ежемесячном журнале». В 1915 г. в Орле на правах рукописи вышел его сборник «Крылатые песни». Направляя его А. Блоку, Каллиников писал, что прежде чем «выступить с книжкой перед широкой публикой», он «должен иметь еще и нравственное право», которое дадут ему «мнения людей, близких литературе». Вскоре в свет вышел и сборник «Песни войны» (Орел, 1915).

Много и увлеченно работал в этнографических экспедициях Академии Наук, Русского Географического общества. В Орловской губернии им было собрано более 500 русских народных сказок, свыше полутора тысяч обрядовых песен, заговоров и частушек. Часть из них была записана на фонограф и положена на ноты. Работая с живым народным эпосом он не избегал острых и откровенных моментов в его изложении, не стеснялся передавать традиционный русский эпос без искажений и эвфемизмов. Эта тема стала впоследствии одной из отличительных черт его творчества. В ней отразилась традиция, унаследованная от Пушкина и Лермонтова, которая долгие годы или вообще замалчивалась или стыдливо пряталась за многоточиями. Этнографические изыскания Каллиникова получили известность. За них ему была присуждена Серебряная медаль Географического общества.

На молодого литератора и ученого обратил внимание Николай Александрович Морозов, легендарный народоволец, ветеран революционного движения, прошедший 25 лет в заточении в Шлиссельбургской крепости. В те годы он, пожалуй, оставался единственным из живущих русских лично знакомых с К.Марксом. Он отошел от политики и посвятил себя разносторонней научной деятельности. Морозов помог организовать встречу И.Каллиникова с Горьким. Она состоялась в 1916 году на квартире писателя в Петрограде. Горький поддержал идею издания собранных Каллиниковым народных песен и сказок, пригласил его пользоваться своей «сказочной» библиотекой. В знак расположения к молодому автору, он подарил ему книжки «Детство» и «Сказки». Но война и разразившаяся революция помешали осуществлению этих планов.

В 1916 году Каллиникова призывают в армию и направляют в военное училище. Недолгое пребывание на фронте под Черновцами завершилось в конце 1917 г. болезнью и увольнением из армии. Возвратившись в родной Орел, он перебивался случайными заработками - в союзе потребительских обществ, в городском статистическом бюро. После занятия Орладеникинскими «спасителями отечества» был мобилизован в армию, но к фронтовой службе его признали негодным и направили рядовым в «отдел пропаганды». По словам, Иосифа Федоровича, в те дни он вел полуголодный образ жизни и вскоре тяжело заболел. На лечение был отправлен в Новороссийск, откуда с остатками белых войск на английских транспортах его эвакуировали в Египет. Здесь он скитался около двух лет, пока в лагере для беженцев под Александрией, его больного и духовно подавленного не разыскала жена.

С первых дней пребывания за границей Каллиников пишет Горькому, Морозову, другим знакомым, умоляя помочь ему вырваться из «клоаки эмиграции» и вернуться на родину. Он не скрывает, что на нем «лежит

клеймо работы в одном из омерзительнейших учреждений Деникина – отделе пропаганды». Но смыть его он не может, находясь в среде, «опустившейся нравственно и духовно эмиграции». Наконец, приходит известие от знакомых из Праги: там собирается русская интеллигенция. Чехословацкое правительство обещает помощь в обустройстве на новом месте. Оформив необходимые бумаги, Каллиниковы вместе с родившейся в лагере дочкой отправились в Чехословакию.

После развала Австро-Венгерской империи в молодой Чехословацкой республике была разработана специальная правительственная программа, получившая название «Русской акции». Она предполагала оказание эмигрантам из России материальной и гуманитарной помощи, создание условий для обучения и временного пребывания в стране. За чисто филантропическими задачами скрывались и вполне прагматические: в чешских землях проживала многочисленная и влиятельная немецкая община, поэтому тема укрепления славянских корней, хотя и не звучала открыто, но ее присутствие, было вполне очевидным. Кроме того, дверь в страну была открыта, прежде всего, для учащейся молодежи, студентов и квалифицированных специалистов в разных областях знаний и практической деятельности. Свою роль играло и распространенное тогда мнение, что «поскольку, Советы долго не продержатся, то в ближайшей перспективе новой России потребуются демократическая элита». В результате в начале 20-х годов в Чехословакии начал складываться один из центров русской эмиграции. Здесь концентрировалась студенческая молодежь, педагоги, врачи, инженеры, журналисты, многие видные деятели науки, литературы, искусства. Среди них можно назвать академиков Н.П.Кондакова, П.Б.Струве, Н.И.Андросова, известных ученых Г.В.Вернадского, П.А.Сорокина, П.Н.Савицкого, писателем А.Амфитратова, А.Аверченко, В.И.Немировича-Данченко. Гостями чешской столицы нередко были Бунин, Набоков, Шаляпин, М.Чехов, Б.Савинков (Ропши) и другие. В рамках

«Русской акции» в Чехословакии были открыты русские гимназии, средние специальные и высшие учебные заведения, издавались русские газеты, журналы, книги.

Попав из солдафонской атмосферы беженских лагерей в европейский, хотя и трудный эмигрантский быт, Каллиников оживает. Он изучает чешский язык, знакомится с богатым местным фольклором, берется за переводы на русский чешских авторов, публикуется в русскоязычных изданиях. Писательская известность приходит к нему после выхода сборника рассказов и очерков «Баба-Змея». В них чувствуется влияние Лескова и Замятина, которых он считал своими наставниками. Его начинают переводить на европейские языки. На английском и немецком выходит книжка очерков «Страна рабов» - заметки о жизни в Египте.

С детства Каллиников, внук дьякона, был окружен атмосферой религиозного быта. Во время каникул подолгу жил в келье Белобережской пустыни. От внимания наблюдательного подростка не укрылись многие тайны монашеской жизни, которые не укладывались в церковные постулаты. Опыт соприкосновения с монашеской средой, по всей видимости, послужил важным источником его монументального романа «Мощи». Он необычен по форме и далек от традиционной русской тематики. В центре романа - жизнь православного монастыря со всеми пороками морального разложения русского общества в начале XX столетия. Одни критики отмечали необычный язык произведения, написанного «стилизованной эротико-орнаментальной прозой», другие подчеркивали, что «повествование скорее ближе натурализму Золя, чем классическому русскому реализму». Не вдаваясь в тонкости литературоведческих эзексисов, заметим только, что Горький, не забывший о своей встрече с Каллиниковым, поддержал его стремление вернуться на родину: «В эмиграции Вам делать нечего». И одновременно начал хлопотать об издании романа в СССР. В 1925 – 1927 гг. «Мощи» вышли в Советском Союзе в 3-х объемных томах (четвертый -

«Пещь огненная» цензура не пропустила). Основоположник соцреализма подтвердил свои симпатии и расположение к младшему собрату по перу еще и тем, что отправил ему на память свой карандашный портрет-набросок, сделанный художником Отто Бегасом. Для Горького, по мнению современников, такие знаки внимания были совсем необычными.

Вполне можно допустить, что Горький, поддержав издание «Мощей» в России, хотел помочь талантливому писателю получить «пропуск» для возвращения на родину. Получилось, однако, все с точностью до наоборот. После выхода романа в Германии, Англии, Чехии и Голландии, где критика высоко оценила его за «исключительную жизненную правду и яркость изложения», в Советской России, на фоне успеха у читателей, против него ополчилась церковная среда. И не только. Маяковский, признававший Эроса на Елисейских полях, но не в России, остро отреагировал на выход книги в своих стихах «Про школу и про учение»:

Целясь в щеку злей, чем доги,
Взяв линейки подлиннее,
Мордобойцы-педагоги
Лупят посвистом линеек.

Войны классов, драки партий
Обошли умишкой тощим.
Но... Каллиников под партой,
Провоняли парту «Мощи».

Распустив над порнографией слюну,
Прочитав похабные тома,
С правой стороны луну
У себя устроят по домам.

После такого «отзыва» «Мощи» в СССР были объявлены порнографией и контрреволюционным пасквилем. Книгу изъяли из библиотек и читален. О скором возвращении домой не могло быть и речи.

В начале 30-х годов, несмотря на доносящиеся с родины критические выпады в свой адрес, кризис в семейных отношениях, болезни, Каллиников

много работает, печатается. По его подсчетам в год набирается около тысячи машинописных страниц. Исследователи упоминают романы «Бобры», «Хаос», незавершенные произведения – «Гражданин Советского Союза», «Гамаюн-птица», «Европа» и др. Он много размышляет о планах на будущее, о совершенствовании своего стиля и писательской манеры, стремится найти в творчестве «новые пути, научиться писать просто и ясно, чтобы каждому было понятно, о чем я пишу». Одновременно самокритично замечает: «Это трудное и великое искусство, которым я еще полностью не владею».

Каллиников, выходец из разночинной, демократической среды не скрывает своих симпатий к происходящим в России колоссальным преобразованиям. Прежде всего, он горячо поддерживает меры в области образования народа, распространения культуры, поощрения тяги к знаниям. Он внимательно следит за работой советских писателей, режиссеров, кинематографистов, читает все, доходящие до Чехословакии, советские периодические издания. Это отличает его от непримиримого крыла пражской эмиграции. Он слишком интеллигентен и аполитичен для того, чтобы включаться в общий хор хулителей того, что происходит на родине. Он хочет во всем разобраться сам и отвергает готовые идеологические штампы. Недостаток антипатии к своей стране вызывает раздражение и презрение к нему со стороны многих эмигрантов. Его начинают считать «красным», ограничивают с ним контакты. Он пишет: «Я чувствую себя таким одиноким... Люди заходят ко мне на пару минут, делают веселый вид, говорят слова утешения, а теплого, нежного слова мне никто не скажет».

В 1931 году в Праге переводят и издают массовым тиражом (полторы тысячи экз.) его книгу «Лев Толстой – трагедия сексуальная». В ней делается попытка раскрыть личность классика на основе его дневников и писем. Сам автор назвал ее «литературно-художественным психоаналитическим очерком на социальной основе». О внутренних причинах, побудивших Каллиникова обратиться к этой теме, узнаем из писем автора к его юной знакомой, учительнице музыки Кветославе Кацафирковой. Эти письма были введены в

оборот чешским русистом профессором Владимиром Костршицей, который получил их в начале 90-годов прошлого столетия вместе с разрешением на публикацию от пани Кветославы Михалковой, урожденной Кацафирковой.

Она познакомилась с Калиниковым во время его лечения в санатории в Теплице над Бечвоу и стала для него последней возможностью вырваться из мучительного одиночества и преодолеть чувство покинутости после расставания с женой, которое, несомненно, стало одной из причин усиления его нервной и сердечной болезни. Во всех восьми письмах, охватывающих последние месяцы его жизни с 3 октября 1933 г. по 3 марта 1934 г. повторяются жалобы: «Когда я подумаю, что я совершенно один в большом городе и у меня нет ни одного близкого человека...» - «Мои страдания продолжаются и я в полном одиночестве, без семьи, без близкого, без единственного друга...»

Поправляясь от болезни осенью 1933 г. он пишет своей корреспондентке 20 октября: «Кто отравился однажды – не может жить без яда, кто познал нежность женщины, не может жить без нее. А иметь женщину на минутку – я не могу. Для меня женщина должна быть женой и другом... Я не могу жить без семейной жизни». И далее он откровенно приоткрывает причину своего нездоровья: «Половина моей болезни в том, что моя сексуальность выше средней и из-за того, что я не веду регулярную жизнь, страдают нервы... Повышенная сексуальность - это несчастье каждого, кто творит. Если бы не было неординарности – не было бы таланта. Это закон и наше несчастье».

2 января 1934 г. Калиников направил Кацафирковой свою книгу о Льве Толстом. В сопроводительном письме он особо подчеркнул большую ответственность и даже отвагу того, кто хочет писать о личной жизни писателя, перед которым с почтением склоняется весь культурный мир. Поэтому он не стремился создать сенсацию, как автор успешного романа «Мощи» и не мог позволить себе снизить требования к своему творчеству. «Я послал Вам на память книгу о своем страдании, если бы сам не пережил это, я не понял бы жизнь Льва Толстого. Позднее он уточняет и развивает эту

тему: «Я тоже пережил такую болезнь в супружестве, как он, - они физически не подходили друг другу, и от этого возник невроз и распад семьи».

За два месяца до кончины Каллиников вновь затрагивает романтическую тему. Свои несмелые предложения он на этот раз подкрепляет параллелью с Достоевским: «Если бы Вы знали меня ближе, и у нас была бы возможность часто разговаривать и т.д., то могло бы случиться, как это было у Достоевского, у которого была тяжелая болезнь (и страсть – карты), и несмотря ни на что, 20-летняя девушка посвятила себя с любовью, ему, 42-летнему. Не каждому повстречается такое счастье, нужно смириться. Поэтому я молчу».

4 мая 1934 года И.Ф.Каллиникова не стало. Его похоронили в Границе на Мораве. Присутствовали чешский писатель Йозеф Копта, переводчик Винценц Харват и Кветослава Кацафиркова.

Архив писателя заколотили в два деревянных ящика и передали бывшей жене, которая увезла его в Словакию. Как известно, рукописи не горят. И когда осенью 1944 года в Банской Быстрице вспыхнуло Словацкое национальное восстание архив, конечно, пострадал, но большую его часть, удалось спасти и по частям переправить на родину.

У дочери писателя Н.И. Каллиниковой сохранилась справка, выданная Государственным музеем И.С.Тургенева в Орле 11 сентября 1986 г. в том, что «архивные материалы писателя-орловца Каллиникова И.Ф. (704 ед.) находятся на постоянном хранении в фондах Гослитмузея И.С.Тургенева». Среди наследия писателя многочисленны записи народных песен, сказок, частушек, заговоров, сделанных им на орловщине и во время скитаний в эмиграции. Переписка с писателями Замятиным, Эренбургом, Цветаевой, Фединым, В.Булгаковым и др. Машинописные тексты опубликованных и незавершенных произведений. Критические статьи, рецензии и отзывы о его творчестве из советской и иностранной прессы, записные книжки писателя, наброски и планы будущих произведений.

В середине нулевых годов я посетил дочь писателя Наталью Иосифовну в ее квартирке, обставленной обшарпанной, полуказенной мебелью в словацких Турчанских Теплицах. За чайным столом были ее взрослая дочь и внук-школьник, уже совсем не говоривший по - русски. Работы в маленьком городке не было и семья жила на пенсию Каллиниковой едва сводя концы с концами. Два часа хозяйка дома ровным, тихим голосом рассказывала мне о тяготах эмигрантской жизни, пережитых ею в юности, внимательном и заботливом отце, о котором у нее остались «самые светлые воспоминания, хотя он был глубоко несчастным человеком, мечтавшим о возвращении на родину, но вынужденным жить и умереть вдали от нее». Помнится, сильное впечатление, которое произвел на меня ее русский язык. Он был немного старомодным, но литературно-правильным. Было ясно, где начиналось предложение и, где оно заканчивалось. Каждый его член находился на своем месте и в идеальном порядке. Зная о нынешних привычках соотечественников, проведенных за границей 2-3 года, разговаривать на «смеси» русского и местного языков, я сделал ей комплимент. Она улыбнулась и ответила: «Так нас учили в русской гимназии в довоенной Чехословакии. Так разговаривали у нас дома».

Остается только сожалеть, что все прошедшие годы творчество Каллиникова – талантливое и самобытное писателя остается под спудом и не доступно широкой публике на родине. Между тем в Словакии на полках букинистических магазинов еще попадаются его произведения, изданные в довоенной Чехословакии.